

Национализм, авторитаризм, фашизм: почему в странах Прибалтики прошлое становится будущим (Статья вторая)*

Межевич Н. М.

Институт Европы Российской Академии наук, Москва, Российская Федерация; mez13@mail.ru

РЕФЕРАТ

Великая Отечественная война была не только противостоянием стран, но и борьбой идеологий. Фашизм был разгромлен, коммунистическая идеология и демократические практики победили и начали конкурировать между собой. Взаимное сдерживание в послевоенной Европе способствовало тому, что фашизм и неонацизм не могли стать угрозой обществу.

Ослабление внешнего политического управления, распад СССР привели к качественному росту национализма именно в Восточной Европе. Однако именно в странах Прибалтики трансформация национализма в авторитаризм, а авторитаризма в фашизм, прошедшая в 20–40-е годы прошлого века, повторяется опять. Специфике этого процесса посвящены две статьи. В первой говорилось о специфике политических систем современной Прибалтики, истории стран Прибалтики и генезису фашистской идеологии в Прибалтике. Вторая статья посвящена прибалтийскому национализму как фактору формирования авторитарных и фашистских практик, оценке перспектив возрождения фашизма в Прибалтике и анализу этой опасности для России. Юбилей Великой Победы — это не только повод для гордости за прошлое, но и хороший повод для того, что бы найти угрозы будущего.

Ключевые слова: национализм, фашизм, авторитаризм, политические системы, национальная история, войны памяти, Эстония, Латвия, Литва, антисемитизм, историческая политика, парамилитарные формирования, войска СС

Для цитирования: Межевич Н. М. Национализм, авторитаризм, фашизм: почему в странах Прибалтики прошлое становится будущим (статья вторая) // Управленческое консультирование. 2020. № 4. С. 20–32.

Nationalism, Authoritarianism, Fascism: Why in the Baltic States the Past Becomes the Future (Article Two)

Nikolay M. Mezhevich

Institute of Europe of Russian Academy of Science; Moscow, Russian Federation; mez13@mail.ru

ABSTRACT

The Great Patriotic War was not only the opposition of countries, but also the struggle of ideologies. Fascism was defeated, communist ideology and democratic practices won and began to compete among themselves. Mutual deterrence in post-war Europe contributed to fascism and neo-Nazism not becoming a threat to society.

The weakening of external political governance and the collapse of the USSR led to a qualitative increase in nationalism in Eastern Europe. However, in the Baltic States, transformation of nationalism into authoritarianism, and authoritarianism into fascism, which took place in the 20th-40th years of the last century, is repeated again. Two articles are devoted to the specifics of this process. The first tells about the specifics of the political systems of the modern Baltics, the history of the Baltic countries and the genesis of fascist ideology in the

* Первую часть статьи см.: Управленческое консультирование. 2020. № 3. С. 10–23.

Baltics. The second article is devoted to Baltic nationalism as a factor in the formation of authoritarian and fascist practices, the assessment of the prospects for the revival of fascism in the Baltics and the analysis of this danger for Russia. The anniversary of the Great Victory is not only an excuse for pride in the past, but also a good reason to find threats to the future.

Keywords: nationalism, fascism, authoritarianism, political systems, national history, wars of remembrance, Estonia, Latvia, Lithuania, anti-semitism, historical politics, paramilitarian formations, SS troops

For citing: Mezhevich N. M. Nationalism, Authoritarianism, Fascism: Why in the Baltic States the Past Becomes the Future (Article Two) // Administrative consulting. 2020. No. 4. P. 20–32.

Попытки переписать историю и тем самым повлиять на развитие мировых процессов на современном этапе будут продолжаться. Мы должны быть во всеоружии, чтобы этим попыткам было не суждено реализоваться¹

Прибалтийский национализм как фактор формирования авторитарных и фашистских практик

Национализм для целей данного исследования — это государственная идеология и набор политических практик, основанный на законодательно оформленном постулате о том, что в основе государственной власти и общественной организации лежит нация. Соответственно, принадлежность к нации — это потенциальная возможность занять в экономической и политической иерархии высокое положение. Естественно в современной Прибалтике это не единственное условие. Быть эстонцем мало для личного успеха, ибо слишком велик конкурс на рынке «профессиональных эстонцев». Подход, гарантирующий успех только по национальному признаку, не мог сохраниться в Европе нового времени, в имперской Прибалтике он тоже начал размываться в XIX в. Именно поэтому монополизм немецкого и польского экономического и политического контроля при российском административном порядке был размыт в рамках так называемого национального возрождения.

Эпоха классического капитализма, при всех издержках, дала свободу с минимальными экономическими и политическими ограничениями для «не титульных». Именно поэтому Восточная Европа с дремучими средневековыми национализмами качественно отстала во второй половине XIX — начале XX в.

В теоретическом плане важно указать, что на определенном этапе общественного развития сформировалось представление о том, что просвещенная Европа от вируса национализма избавилась. Э. Геллнер утверждал, что «в эпоху позднего индустриализма, — благодаря росту благосостояния, уменьшению дистанций между культурами, появлению всемирного рынка и стандартизации образа жизни, — накал националистических страстей постепенно снижается» [4, с. 42]. Этот тезис, озвученный до деструкции социалистического мира и СССР, в дальнейшем не подтвердился. Вульгарный национализм сменился ухищрениями этнической демократии. Для этого в Прибалтике относительно небольшое число националистов взяло курс на создание политической нации из ее гражданской первоосновы. «Нация... является продуктом идеологии национализма, а не наоборот. Нация возникает с момента, когда группа влиятельных людей решает, что именно так и должно быть. И в большинстве случаев нация начинается как явление, порождаемое

¹ Выступление Министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова на церемонии возложения цветов к мемориальным доскам по случаю Дня дипломатического работника, Москва [Электронный ресурс]. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news//asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4032168

городской элитой»¹. Такой подход специалиста по проблемам этничности и национализма Т. Эриксона — идеально подходящая для Прибалтики научная модель.

Этническая демократия — принцип политической организации общества и модель управления, которая предполагает узаконенное этническое доминирование в сочетании с формальным провозглашением политических и гражданских прав для всех законно ими пользующихся. Однако классическая этническая демократия предполагает, что этнические меньшинства имеют гражданство и возможность в полной мере участвовать в политическом процессе. Именно этим этническая демократия отличается от этнократии. Мы исходим из того, что этническая демократия не является нормой, но присутствует как массовая практика и де-факто признается международными институтами. Иная ситуация с этнократией, попирающей ключевые права человека. В основе и этнократии и этнической демократии лежит национализм, но его качество существенно отличается. Страны Прибалтики — это именно этнократии, а не этнические демократии.

Политические режимы, существовавшие в странах Прибалтики с 1920 по 1940 г. и особенно с 1991 г. по настоящее время, определяются как этнократии [2]. Из всех теоретико-методологических взглядов, предполагающих определение этнократии для понимания ситуации в Прибалтике, наиболее интересен подход израильского социолога С. Смуха, который выделил несколько признаков, свойственных такого рода режимам:

- 1) только одна этнонация имеет неотчуждаемое право на страну, на отдельное политическое целое и исключительное право на Родину (отсюда следует легитимизация априорного неравенства статусов коренной этнонации и некоренных групп);
- 2) членство в единой коренной этнонации отделено от гражданства;
- 3) государством владеет и управляет коренная этнонация;
- 4) оно мобилизует коренную этнонацию, предоставляет некоренным группам неполные индивидуальные и коллективные права и разрешает им вести парламентскую и внепарламентскую борьбу за изменения;
- 5) государство воспринимает некоренные группы как угрозу и устанавливает контроль над ними².

Прибалтика в последние сто лет — это сочетание нескольких видов национализма, прежде всего державно-государственного, который проявляется у государственно оформленных наций, пытающихся воплотить в жизнь свои национальные интересы и бытовой национализм — это реализация националистических чувств в малых социальных группах, на межличностном уровне. Ему сопутствует ксенофобия и враждебное отношение к другим этническим группам [16, с. 143]. Вместе с тем, политический класс Прибалтики эволюционировал по сравнению с 20–30-ми годами прошлого века, когда националистической идеологии, даже в ее крайней форме, никто особо не стеснялся. По мнению наиболее активных националистов, действовавшая в межвоенный период форма правления не соответствует реалиям послевоенной эпохи и не способна противиться силам, которые угрожают всей цивилизованной европейской культуре — коммунизму и социализму. К примеру, К. Лапиньш-Мерт провозглашал, что остановить коммунизм и социализм может только сильная национальная власть. Развернутое изложение своего понимания этой сильной национальной власти он дал в выпущенной в 1926 г. брошюре с выразительным названием «Сущность национальной диктатуры» [9, с. 34]. Об этом же, характеризуя межвоенную Литву, пишет, Витаутас Синица: «Литва — современное национальное государство. Государство, созданное и восстановленное не кем иным,

¹ Цит. по: [22, с. 86].

² Smooha S. Model of Ethnic Democracy // European Centre for Minority Issues, Working Paper. 2001. № 13. P. 1–94. Цит. по: [23].

а *националистами*, основанное на *национальном* идеале и общепризнанное как право *народов* на самоопределение. Нет другого принципа, который узаконивает Литву, оправдывает право нашего государства находиться на карте мира. Напротив, это право и все другие права гарантируются и охраняются *национальным* государством» (курсив наш — Н. М.)¹.

В советское время ситуация на первый взгляд изменилась, однако в это время «происходило не только культурное развитие народов, стимулированное в том числе и властью, но и постепенная политизация национального вопроса и идентичности» [24, р. 116]. Сегодня в национализме в Прибалтике видят скорее не проблему, а способ ее лечения: «национализму часто придается статус морального императива: например, национальные границы должны совпадать с государственными; члены нации должны блюсти ее моральные ценности и т. д. В результате действий, вытекающих из этих императивов, национализм начинает ассоциироваться с крайними проявлениями преданности собственной нации: в этнических чистках, идеологии национальной чистоты и враждебности к иностранцам» [7]. Государственная идеология в Прибалтике имеет не классическую форму, вместо нее в конституциях, преамбулах к ним, законах закреплён тезис о принципе примата крови — воинствующий национализм в юридическом оформлении. И вот здесь следует процитировать Тимоти Снайдера, в свою очередь опирающегося на позицию своего авторитетного антагониста: «Карл Шмидт объяснил суть фашистского правления. Чтобы разрушить все правила, говорил он, нужно сфокусироваться на идее исключительности» [20, с. 151]. Итальянский, венгерский, немецкий опыт времен второй мировой войны показал — главным фактором «исключительности», как правило, становится национальный. Именно это мы и наблюдаем в странах Прибалтики, продвигающих практики государственного национализма, хотя Вторая мировая война давно закончилась.

В Эстонии формула государственного национализма принадлежит Хандо Руннелю, эстонскому поэту и издателю, (в советском «оккупационном» прошлом — Заслуженному писателю Эстонской ССР). Этот литератор прославился тем, что сформулировал программный тезис практически для всех эстонских партий: «Прежде всего, мы должны обеспечить права эстонцев и только потом — права человека»². Именно поэтому партийный лозунг Союза эстонских партий Отечество и Res Publica (IRL), ставшего затем партией «Отечество» (Isamaa) звучит так: «Делаем эстонское дело! (Ajame eesti asja!)». «Каждый день ты делаешь эстонское дело. Твоя работа. Твоя учеба. Твоя семья. Твои надежды и мечты — это и есть эстонское дело». В чем здесь принципиальное отличие от «немецкого дела» 1933–1945 гг.? Вероятно, они лежат в сфере современных практик, но не идеологии. Подчеркнем также еще раз то, что экзерсисы Х. Руннеля и ему подобных — это не идеология 20-х годов прошлого века, а самые современные эстонские идеологические практики.

Ключевым фактором генезиса прибалтийского, в том числе эстонского национализма является российский фактор. Эстонский, как впрочем, и прибалтийский национализм невозможен без России и русских³. М. Пярнитс считает: «Эстонская идентичность существует благодаря России. Наша политика во многом определяется прошлым. Ведущие партии приходят к власти на волне военной угрозы. Весь фокус в том, чтобы не дать прошлому уйти в прошлое, сохраниться как угроза»⁴. Но может

¹ Sinica V. Jono Basanavičiaus Lietuva // Tėviškės alka. 2014. rugpjūčio 3 d. Цит. по: [8, с. 188].

² Серые паспорта и закрытие русских школ: как нарушаются права человека в Эстонии [Электронный ресурс]. URL: <https://ee.sputniknews.ru/politics/20191210/18706862/sobljudenie-prav-cheloveka-estonia.html>

³ Постников В. Мнение: две основные проблемы эстонского национализма (по мотивам статьи Микка Пярнитса) [Электронный ресурс]. URL: <http://baltnews.ee/obc/20170719/1016151255.html>

⁴ Эстонский писатель: наша идентичность существует благодаря России [Электронный ресурс]. URL: <http://baltnews.ee/obc/20170716/1016145113.html>

быть это одно случайное экспертное мнение? Увы. «Мы не должны забывать простую истину: существование эстонского государства имеет единственный смысл — чтобы на территории Эстонии сохранились родной язык и его носители, эстонская культура и ее творцы. Это и только это отличает Эстонское государство от Латышского государства, от Российского государства, от Брюссельского государства»¹ — так говорил первый президент послевоенной Эстонии.

Сползание в национализм в Прибалтике шло постепенно. Парадоксальным образом этот процесс начался во времена Н. С. Хрущева. При Л. И. Брежневе выброшенный лозунг «новой исторической общности — “советский народ”» скрывал рост национализма в советской Прибалтике. Лозунг «эстонского национального социалистического государства» (впервые проявившийся в среде творческих союзов Эстонии в конце 70-х гг. прошлого века), по сути дела, прикрывал политическую борьбу за вытеснение из верхних эшелонов власти т. н. «российских эстонцев» (которых олицетворял первый секретарь ЦК КПЭ Карл Вайно) и замену их эстонцами местными (Вяйно Вяляс, Индрек Тооме), более ориентированными на запросы местных же хозяйственных элит [13, с. 123]. Затем, «в 1990-е годы окончательно возобладали идеи этнонационализма — это радикальная форма национализма, идея величия так называемой нации ядра, идея этнонационального государства, в котором есть место только одной этнической группе, что привело к поражению в правах солидной части населения (в Латвии и Эстонии). Идея “ядра” обрела буквальное воплощение в Латвии. Так, 19 июня 2014 года в качестве ответа латышской этнократической элиты на массовое выступление русских за сохранение своего родного языка в ходе проведения референдума в 2011–2012 гг., была принята преамбула к Конституции. В преамбуле подчеркивается, что “идентичность страны” определяется только латышскими и ливскими (давно утраченным этносом) традициями, жизненной мудростью, общечеловеческими и христианскими ценностями» [6, с. 158]. Аналогично в Эстонии на роль идеологии и доминантной общественной практики был назначен эстоноцентризм. По мнению И. Никифорова, это «комплексная политико-идеологическая характеристика, часто используемая для описания интегративных процессов в современном эстонском обществе. Эстоноцентризм — это и императив, и “цель желанная”, и критерий индивидуальной или групповой принадлежности к народу Эстонии»².

Тени прошлого и образы будущего фашистской идеологии в странах Прибалтики

Фашизм — это идеология и связанные с ней практики государственного управления. Немецкий фашизм при всем разнообразии определений имеет один признак, отмечаемый абсолютно всеми. Речь идет о национализме в его предельном значении. Итальянский или румынский варианты в ключе национальной политики были существенно менее «жесткими». В таком случае речь идет не об исключительности расы, нации или национального государства, а о готовности уничтожить все остальные расы, нации или государства. Вслед за А. Гапоненко³ укажем на существование трех форм фашизма:

1) фашизм, возникший на собственной национальной основе, — «генетический»;

¹ Мери Л. Как растет трава. Речь в День Победы в городе Выру 23.06.97 // Вышгород. 2008. № 1-2. С. 17.

² Никифоров И. Этноцентризм в изучении истории Эстонии [Электронный ресурс]. URL: <https://ilja-nikiforov.livejournal.com/77828.html>

³ Гапоненко А. Наказание европейских фашистских элит и наций после войны [Электронный ресурс]. URL: <https://izborsk-club.ru/18646>

- 2) фашизм, привнесенный в нацию извне, — «индуцированный»;
- 3) фашизм, возникший в рамках нации, деятельность которой полностью подчинена интересам другой нации, — «сервильный».

Прибалтийский фашизм с трудом вписывается в данную классификацию. Своя «кровь и почва» привела к возникновению полуфашистских движений в Прибалтике еще во второй половине 20-х гг. прошлого века. В 1930-е гг. эта тенденция только усилилась, но активно шла имплементация внешних моделей. К примеру, итальянский опыт — тоталитарная националистическая политика корпоративизма была скопирована в Латвии, что признается практически всеми. Наконец в 1941–1945 гг. пришло время фашизма третьей формы.

Фашизм вообще и, конечно же, его проявление в Прибалтике характеризуется тем, что он был способен создать себе массовую опору. В чем же причина достаточно широкой поддержки фашизма в Прибалтике? Во-первых, следует говорить не о поддержке идеологии, а о поддержке конкретных практик немецкого фашизма, прежде всего об антикоммунизме и антисемитизме. Иными словами, последователи Гитлера в чужих шинелях делали то же, что и последователи Сметоны, Ульманиса или Пятса в своих шинелях. Во-вторых, сам германский фашизм имел массовую поддержку в мелкобуржуазной среде, т. е. именно у тех групп людей, которые составляли основу авторитарных прибалтийских режимов.

В случае Прибалтики мы наблюдаем очевидную управленческую эффективность Берлина, сделавшего определенные политические и экономические уступки местным политическим элитам. При этом эти уступки были сделаны настолько грамотно, что, с одной стороны, не подвергали сомнению территориально-политическую принадлежность Прибалтики Германии, а с другой стороны — позволяли фашистам распоряжаться всеми ресурсами Прибалтики, в том числе людскими, как своими. Иными словами, проникновение немецких оккупационных войск состоялось сугубо позже проникновения нацистской идеологии.

Следует выявить существенные факторы, объясняющие появление и закрепление фашистской идеологии и практик в современной Прибалтике.

Во-первых, укажем на фактор возвращения эмиграции в общественную жизнь. Отцом В. Ландсбергиса, одного из ключевых современных политиков Литвы, был Витаутас Ландсбергис-Жямкальнис, который добровольно в 1941 г. стал министром коммунального хозяйства в сотрудничавшем с нацистами правительстве Юозаса Амбразявичюса-Бразайтиса. Именно этому министерству была поручена крайне важная работа с точки зрения немцев, как, впрочем, и «литовской общественности» — создание концентрационного лагеря для евреев Каунаса. Закономерно то, что в Литве в рамках своеобразного понимания исторической памяти, и при активной поддержке Ландсбергиса-сына торжественно перезахоронили господина Амбразявичюса, главу временного правительства Литвы. О том, что государственный церемониал применен к коллаборационисту и активному участнику холокоста, создателю первого концлагеря для евреев СССР, предпочли не говорить. Случай не единичный, коллаборационисты, полицейские и просто офицеры СС в последние четверть века в массовом порядке возвращаются на родину, занимая почетные места не в президиумах, но на кладбище. Но проблема не в новых могилах, а в новых людях со старыми комплексами [19]. Лесные братья, коллаборационисты, каратели — идеальные кандидаты в национальные герои. Такая же задача ставилась и ставится в Эстонии и Латвии, но проблема с героями действительно существует. Пантеон героев и государственные мемориальные кладбища наполняются эсэсовцами, деятелями эмиграции, организаторами холокоста. Представители эмиграции возвращаются не только на кладбища, их дети приходят на лидирующие позиции в эстонской, латвийской, литовской политике. Речь идет о позициях глав государства, премьер-министров, министров, руководителей спецслужб.

Второе. Отсутствие реальных героев ведет к реабилитации убийц. Медленно, но последовательно реализуются слова министра обороны Латвии Артиса Пабрикса, заявлявшего журналистам о том, что члены латышского добровольческого легиона «Ваффен СС» являются гордостью латышского народа и государства. Он призвал чтить память легионеров¹. С 1994 г. в Риге ежегодно 16 марта проходит парад бывших латышских легионеров СС. (16 марта 1944 г. началось сражение на восточном берегу реки Великая на территории Псковской области, в котором принимали совместное участие две дивизии латышского легиона «Ваффен СС» — 15-я и 19-я. Летом 1998 г. латвийский Сейм установил 16 марта в качестве дня памяти латышских воинов, но после острых двухлетних дискуссий депутаты признали это ошибкой, при этом шествия нацистов и неонацистов по центральным улицам городов Латвии, при неофициальной поддержке латвийских властей, продолжаются.)

В Латвии «наблюдается небывалый всплеск героизации нацистских пособников и “лесных братьев”. Правоохранительная система отказалась рассматривать преступления и реабилитировала Г. Цукурса, соучастника и организатора массовых убийств и ответственного за вооружение и транспорт в латышской вспомогательной полиции при СД («команда Арайса»). Готовится масштабный проект “Бессмертный бункер национальных партизан” — в пику “Бессмертному полку”» [18]. В свою очередь, в Эстонии в начале июля 2019 г. активисты партии ЕКРЕ заявили о готовности восстановить памятник легионерам СС в городе Лихула, демонтированный в 2004 г. Против этих планов выступил премьер-министр Юри Ратас, однако их поддержал спикер эстонского парламента Хенн Пыллуаас. «Прославление на высшем уровне пособников нацизма ставит вопрос об ответственности прибалтийских государств за преступления, совершенные коллаборационистами» [17]. Эта тенденция характерна для Прибалтики в целом.

Скудность социума, урезанного национальными ограничениями, и специфика политического ландшафта привели к героизации тех, кто в нормальных странах воспринимается как преступник. К примеру, провозглашение участников вооруженного восстания в Каунасе в июне 1941 г. национальными героями и борцами за свободу приводит к закономерным результатам — сложностям с датировкой. Выстрелив в спину уходящим бойцам Красной Армии (герои!), активисты немедленно начали истреблять еврейское население (все-таки не герои?).

Литовский кейс наиболее убедителен в том, что «герои» предпочитали воевать ломami с беззащитными евреями, а не сражаться с Красной Армией, даже отступающей. «Общим же для исследователей из Литвы, Латвии и Эстонии являются настойчивые попытки апологии прибалтийских полицейских батальонов и подпольных националистических формирований в военные и первые послевоенные годы» [21]. При этом последующие этапы военной и карательной деятельности старательно замалчиваются.

Третье. После 1945 г. литовские «лесные братья», как и их эстонские и латвийские товарищи, предпочитали убивать беззащитных соотечественников, а не сражаться с частями НКВД. «Осенью 1941 года в Латвии на базе “отрядов самообороны” стали формироваться регулярные полицейские батальоны, которым поручались карательные операции. В октябре 1941 года первый латышский батальон был направлен на борьбу с партизанами в Псковскую область, а в декабре того же года латышские полицейские участвовали в карательных акциях на территории Белоруссии»². Дальнейшая транс-

¹ Президент Латвии призвал чтить национальных партизан [Электронный ресурс]. URL: https://bb.lv/statja/politika/2019/10/03/prezident-latvii-prizval-chtit-ubivavshih-sovetskih-grazhdan-nacionalistov?fb_comment_id=2741201452566330_2741421359211006

² Об участии латышского легиона СС в военных преступлениях в 1941–1945 гг. и попытках пересмотра в Латвии приговора Нюрнбергского трибунала [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/polit/1510968.html>

формация полицейских батальонов в войска СС показана российскими историками в следующей работе¹. Большая часть личного состава эстонского и латышского легиона СС набиралась из числа бойцов полицейских батальонов, участвовавших в холокосте и других массовых убийствах мирного населения на оккупированных территориях. Впрочем, военные преступления они совершали и в эсэсовской униформе. Их привлекали к участию в карательных операциях против гражданского населения на территории Ленинградской и Новгородской областей, а также в Белоруссии.

В целом же можно говорить о некоей схеме, по которой развивался прибалтийский национализм и фашизм.

1. Подпольные группы антисоветски настроенного населения 1940 — 22 июня 1941 г. на базе парамилитарных структур межвоенного периода.
2. Вооруженные формирования, нападающие на отступающие части Красной армии, убивающие партизан, захватывающие органы власти.
3. Добровольческие формирования, организующие тотальное уничтожение евреев, цыган, коммунистов.
4. Полицейские батальоны, выполняющие функции поддержания порядка и охраны концлагерей, как на территории Прибалтики, так и за ее пределами.
5. Вспомогательные военные части.
6. Регулярные части СС, сформированные из полицейских и вспомогательных батальонов (кроме Литвы) на добровольной и призывной основе.

Четвертое. Страны Прибалтики в последние 25 лет ведут юридическое закрепление героизации нацизма. 15 мая 2014 г. Сеймом Латвии были приняты поправки к Уголовному закону Латвии, предусматривающие уголовную ответственность сроком до пяти лет за «отрицание и оправдание геноцида и преступлений против человечества, совершенных советским либо нацистским режимами».

В Эстонии, Латвии и Литве совершенно легально действуют организации ветеранов войск СС, им устанавливаются памятники и обелиски, им выплачивается пенсия, а официальная пропаганда с сочувствием отзывается о пользе «трудового перевоспитания» в фашистских концлагерях. С другой стороны, бывшие солдаты и офицеры Красной армии, попадают под суд как «оккупанты» [15, с. 68].

Укажем на то, что реабилитация нацизма началась в Прибалтике практически сразу после 1991 г. Так, согласно Постановлению Кабинета министров Латвийской Республики от 8 августа 1997 г. № 138, со ссылкой на Закон «О статусе участников движения национального сопротивления», граждане Латвии, в прошлом боровшиеся против СССР, имеют право «на дополнительную льготу по налогу».

Укажем и на то, что в странах Прибалтики «... пропагандируется идея о том, что даже члены организаций, признанных преступными, в массовом порядке находились в скрытой оппозиции к нацистскому режиму. Сотрудничество с ним позиционируется в качестве исключительно вынужденной меры. Транслируется идея о том, что даже высокопоставленные государственные и военные деятели могли находиться в неведении относительно преступных практик нацистов. Также имеют места попытки оценки элементов опыта нацистского режима как позитивного, в том числе — за счет отсылок к актуальным проблемам современности» [1, с. 115]. Все эти положения полностью относятся ко всем трем странам Прибалтики. Именно здесь системно осуществляются «... попытки реабилитации деятельности нацистов и их приспешников, героизации членов преступных организаций, пересмотра решения Нюрнбергского трибунала. Они явно противоречат международному правосознанию и действующему международному праву» [3, с. 130].

¹ Дюков А., Симиндей В. Латышский легион СС: проблемы ответственности и отрицания преступлений [Электронный ресурс]. URL: <https://norway.mid.ru/upload/iblock/b56/b56c07b0e ea42b48ca51dac2eff98690.pdf>

Пятое. Прославление ветеранов СС и полицейских формирований сочетается с волной репрессий в отношении ветеранов-антифашистов. К примеру, Сейм Латвии отказал в поддержке воинам-антифашистам, отклонив предложенный левой оппозицией законопроект «О статусе проживающих в Латвии участников антигитлеровской коалиции Второй мировой войны» (в соответствии с законопроектом им был бы предоставлен статус бойцов антигитлеровской коалиции и соответствующие льготы, приравненные к льготам жертв политических репрессий).

Шестое. Коллаборация в странах Прибалтики действительно сложное явление. С большой долей условности коллаборационизм можно разделить на правительственно-государственный, социально-бытовой, культурный и, наконец, военный [5, с. 9]. Следует признать, что «в Прибалтике феномен коллаборационизма носил специфическую национальную окраску и был связан с надеждой местной элиты на то, что немецкое военное присутствие позволит ей воссоздать национальные государства в прежнем, предвоенном виде. Она и призывала латышей, литовцев и эстонцев идти на службу в вермахт, добровольно вступать в войска СС и полицию, давать присягу Гитлеру и участвовать в боевых действиях и карательных операциях на оккупированных немецкими захватчиками территориях»¹. С одной стороны, объяснить то, что эстонцы и латыши, сражавшиеся под флагом фашистской Германии, на деле сражались за независимость, без нарушения формальной логики невозможно, и эта сверхзадача не была успешно решена в 1944 г. При этом «... использование национальной символики ничуть не мешало многим местным жителям верой и правдой служить гитлеровскому режиму, выполняя подчас самую грязную палаческую работу по уничтожению его противников»².

Легенда об «ожидании воссоздания» была успешно внедрена в 90-е гг. XX в. Впрочем, с позиций Нюрнбергского трибунала эти построения не являются индульгенцией за совершенные преступления, они просто не принимаются во внимание. С другой стороны, укажем на определенную проблему, прямо вытекающую из решений, принятых в Нюрнберге. Преступниками не стали считать лиц, которые «оказались в данной организации в результате призыва государственными органами, объясняя это тем, что они не имели права выбора. Разночтения в вышеотмеченных формулировках статей Устава Международного трибунала, как показало послевоенное время, привели к тому, что сегодня в Латвии, Литве и Эстонии служба их граждан в составе вермахта и войсках СС в годы Второй мировой войны преступлением не только не является, а признается почетной и даже геройской»³.

Необходимо вспомнить о том, как относились к карателям и коллаборационистам, ветеранам СС в советские годы. Конечно, было бы странно увидеть эсэсовца из 20-й дивизии на посту секретаря райкома КПЭ, однако они были активно интегрированы в общественную жизнь, стали частью прибалтийской интеллигенции в худшем смысле этого слова. Советская и партийная власть настолько была уверена в своей

¹ Фокин С. В. Феномен коллаборационизма среди народов Прибалтики и Кавказа : выступление на заседании заседания Экспертного совета Комитета Совета Федерации по делам Содружества Независимых Государств, посвященном 65-летию Нюрнбергского процесса и оценки его итогов в странах СНГ. 23 ноября 2010 года. Совет Федерации Федерального Собрания РФ. М., 2010. С. 68.

² Гуцин В. Националисты на службе нацистов [Электронный ресурс] // Стратегия России. № 11, ноябрь 2019. URL: http://sr.fondedin.ru/new/fullnews_arch_to.php?subaction=showfull&id=1572636259&archive=1575194333&start_from=&ucat=14&

³ Фокин С. В. Феномен коллаборационизма среди народов Прибалтики и Кавказа : выступление на заседании заседания Экспертного совета Комитета Совета Федерации по делам Содружества Независимых Государств, посвященном 65-летию Нюрнбергского процесса и оценки его итогов в странах СНГ. 23 ноября 2010 года. Совет Федерации Федерального Собрания РФ. М., 2010. С. 59.

силе и бессмертии, что в ряде случаев сдерживала активность органов КГБ СССР, стремящихся к поиску и наказанию карателей и «просто ветеранов» СС¹. Да, историки и пропагандисты рассказывали о подвигах 130-й Латышского ордена Суворова корпуса, 8-й стрелкового эстонского Таллинского корпуса, равным образом и 16-й стрелковой Литовской Клайпедской краснознаменной дивизии², однако деятельность их противников не получила должной оценки. В результате «в период 1960–1980-х годов принципами в советской историографии исследуемой проблемы стали догматизм и использование цитат в соответствии с официальными установками ЦК КПСС об отсутствии в годы войны латышских гитлеровских формирований и фашистского подполья в Латвийской ССР, что оставило негативный оттенок на процессе исследования данной темы. При этом отсутствовали всесторонний анализ и собственная точка зрения ученых-историков в освещении исторических событий в Латвии в военные годы» [14, с. 9]. Естественно, все сказанное относится и к советской Литве, и к советской Эстонии. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 17 сентября 1955 г. «Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» лица, осужденные на десять лет лишения свободы, были освобождены, осужденным на 25 лет срок наказания сократили вдвое. То, что это ошибка, станет ясно существенно позже, в самом конце XX в.

Седьмое. Еще одним фактором, объясняющим возрождение нацизма в странах Прибалтики, является отсутствие эффективной реакции на эти процессы в Европе. «... в ЕС есть страны, которые смотрят на данную проблематику следующим образом: нацизм — это плохо, но были люди, которым пришлось в сложной ситуации взаимодействовать с нацистами, чтобы бороться с коммунизмом, а он тоже плох»³. Терпимость Евросоюза и НАТО по отношению к реабилитации бывших нацистов в странах Прибалтики объясняется во многом и тем обстоятельством, что сами западные страны в годы холодной войны проявляли к бывшим нацистам мягкость, игнорируя совместные решения по данному вопросу стран антигитлеровской коалиции.

Заключение

«Поняв, какие условия породили фашизм, мы поймем также, может ли фашизм вернуться, и как этого избежать» [12, с. 15]. Этот программный тезис М. Манна имеет прямое отношение к странам Прибалтики. Поставив вопрос о предпосылках реабилитации и частичного возрождения фашизма, мы обязаны учитывать то, что история не позволит себе повториться в неизменном виде. Ожидать буквального воспроизведения фашистских эксцессов нет оснований. Однако именно в Прибалтике существуют ключевые предпосылки для формирования таких политических режимов, которые являются пограничными по отношению как к классическим современным демократиям, так и к тоталитарным фашистским режимам межвоенной Европы. Эти предпосылки — национализм, авторитаризм, огосударствленная культурная травма и русофобия. До тех пор, пока будут сохраняться эти предпосылки, возрождение тоталитаризма, в том числе и с фашистской спецификой, — возможно. Сталкиваясь с критикой, политические режимы в Прибалтике мимикрируют. Рассмотрим это на примере Консервативной народной партии Эстонии с несколько демонстративными

¹ Сказанное не означает того, что данная работа не велась в принципе. См: [10].

² Наименования даны по: *Петренко А. И.* Прибалтийские дивизии Сталина. М., 2010.

³ *Дюков А. Р.* Выступление на заседании Экспертного совета Комитета Совета Федерации по делам Содружества Независимых Государств, посвящённом 65-летию Нюрнбергского процесса и оценки его итогов в странах СНГ 23 ноября 2010 года. Совет Федерации Федерального Собрания РФ. М., 2010. С. 45.

факельными шествиями и вполне реальной радикальной националистической риторикой и аналогичной политической практикой. EKRE — закономерный продукт эстонской политической системы. При своей относительной неполиткорректности EKRE предлагает то, что вполне обычные «либеральные» политики вроде М. Лаара, А. Ансипа делали, но не говорили. Консервативная народная партия Эстонии с ее антиэмигрантской риторикой и борьбой за «эстонскость как мерило цивилизованности» — это последний рубеж эстонского политического класса перед сползанием в откровенный фашизм. Отметим, что в Латвии и Литве нет аналогичных политических партий с евроскептицизмом, мигрантофобией и дремучим консерватизмом столетней выдержки. В этом контексте Эстония работает «на опережение» показывая, что русофобия может сочетаться с мигрантофобией и евроскептицизмом.

Необходимо подчеркнуть еще один важный аспект. Возрождение фашизма опирается на преемственность моделей восприятия истории старшими поколениями, но целью являются младшие поколения. «Фактор исторической памяти чрезвычайно важен для формирования патриотических установок в контексте конструирования позитивной политической культуры современной молодежи» [11, с. 173]. Это положение работает в две стороны и превращает нас в антагонистов. «Позитивная культура» для наших прибалтийских соседей — реабилитация участников дивизий СС и парамилитарных формирований. Позитивная культура для Российской Федерации — борьба с реабилитацией фашизма в любых проявлениях.

Российская политика, как внешняя, так и внутренняя, обладает большой способностью к адаптации. Однако для стран Прибалтики рассчитывать на то, что отношение к глорификации нацизма изменится — не следует. Понимания, оправдания и соглашательства с этой позицией не будет.

Литература

1. Белов С. И. Реабилитация нацистского режима, его сторонников и пособников в европейском кинематографе: текущее состояние и новые тренды в развитии политики памяти // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2019. Т. 21. № 1. С. 110–117.
2. Воронников В. В. Прибалтийские этнократии между Россией и Европой: поиски консенсуса в условиях экономического кризиса // Вестник МГИМО. 2013. № 6 (33). С. 25–33.
3. Вылегжанин А. Н., Синякин И. И., Скуратова А. Ю. Современное международно-правовое значение Нюрнбергского процесса // Современное право. 2017. № 1. С. 117–130.
4. Геллнер Э. Пришествие национализма. Мифы нации и класса // Путь. Международный философский журнал. 1992. № 1. С. 9–61.
5. Дробязко С. И., Романько О. В., Семенов К. К. Иностранные формирования Третьего рейха. М.: Астрель, 2011.
6. Еремينا Н. В. Проблема интерпретации понятий нации и самоопределения в начале XX и в начале XXI в. на примере стран Прибалтики // Прибалтийские исследования в России. 2017–2018. Сборник статей по итогам международной научной конференции «Войны и революции 1917–1920: становление государственности Финляндии, Эстонии, Латвии и Литвы» (Санкт-Петербург, 23–25 октября 2017 г.) / Российская ассоциация прибалтийских исследований; Фонд «Историческая память»; сост. Н. М. Межевич. — М.: Ассоциация книгоиздателей «Русская книга», 2018. С. 149–161.
7. Калхун К. Национализм. М., 2010.
8. Кирчанов М. В. Континуитет и дискретность в современной исторической памяти стран Балтии // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2019. № 1 (16). С. 180–218.
9. Креслиньш У. Движение «активного национализма» в Латвии: 1922–1934 гг. // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2019. № 1 (16). С. 26–42.
10. Крысин М. Ю., Литвинов М. Ю. Органы госбезопасности против буржуазных националистов Прибалтики. М.: Вече, 2017.
11. Кутыкова И. В., Халлисте О. В. Историческая память современных школьников России и Эстонии: социологический анализ // Вестник СПбГУ. Сер. 12. 2015. № 3. С. 168–176.

12. Манн М. Фашисты. М. : Пятый Рим, 2019.
13. Никифоров И. Эстония между I и III республикой (1988-1992): опыт инклюзивной реконструкции исторического нарратива // Журнал российских и восточноевропейских исследований. 2017. № 1 (8). С. 122–156.
14. Панин Е. Н. Деятельность латышских национальных формирований на территории СССР в годы Великой Отечественной Войны (июнь 1941 г. — май 1945 г.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2009.
15. Платошкин Н. Н. Отношение в ФРГ к Нюрнбергскому трибуналу, или Коричневые тени прошлого // Международная жизнь. Спецвыпуск: Уроки Нюрнберга и новые вызовы и угрозы. 2016. № 13. С. 69–82.
16. Поздняков Э. А. Нация. Национализм. Национальные интересы. М., 1994.
17. Симиндей В. В. Политика лжи и беспамятства // Историк. 2019. № 3 (51). С. 65.
18. Симиндей В. В. Основные историко-политические проблемы в российско-балтийских отношениях // Международная жизнь. 2020. № 1. С. 131.
19. Смирнов В. А. Литовская диаспора в США как канал элитного рекрутирования в постсоветской Литве // Материалы десятого Всероссийского семинара «Социологические проблемы институтов власти в условиях российской трансформации» / под ред. А. В. Дуки. СПб., 2012.
20. Снайдер Т. О тирании. 20 уроков XX века. М. : АСТ, 2018.
21. Суржик Д. Перипетии исторической политики и памяти в Прибалтике [Электронный ресурс] // Международная жизнь. 2016. № 2. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1442>
22. Тишков В. А. Черки теории и политики этничности в России. М., 1997.
23. Фарукшин М. Х. Этнократия: зарубежный дискурс // Социологические исследования. 2015. № 4. С. 44–50.
24. Park A. Turning-points of post-communist transition: Lessons from the case of Estonia // Proceedings of the Estonian Academy of Sciences 44/3. Tallinn, 1995.

Об авторе:

Межевич Николай Маратович, главный научный сотрудник Института Европы РАН (Москва, Российская Федерация), доктор экономических наук, профессор; mez13@mail.ru

References

1. Belov S. I. Rehabilitation of the Nazi regime, its supporters and accomplices in European cinema: current state and new trends in the development of memory policy // Journal of the RUDN. Series: Political science [Vestnik RUDN. Seriya: Politologiya]. 2019. V. 21. No. 1. P. 110–117. (In rus)
2. Vorotnikov V. V. The Baltic ethnocracy between Russia and Europe: seeking consensus in the context of the economic crisis // MGIMO Messenger [Vestnik MGIMO]. 2013. No. 6 (33). P. 25–33. (In rus)
3. Vylegzhanin A. N., Sinyakin I. I., Skuratova A. Yu. Modern International Legal Significance of the Nuremberg Process // Modern Law [Sovremennoe pravo]. 2017. No. 1. P. 117–130. (In rus)
4. Gellner E. The Coming of Nationalism. Myths of the Nation and Class // The Way. International philosophical journal [Put'. Mezhdunarodnyi filosofskii zhurnal]. 1992. No. 1. P. 9–61. (In rus)
5. Drobnyazko S. I., Romanko O. V., Semenov K. K. Foreign formations Third Reich. M.: Astrel, 2011. (In rus)
6. Eremina N. V. The problem of interpreting the concepts of nation and self-determination at the beginning of XX and at the beginning of XXI century on the example of Baltic countries // Baltic studies in Russia. 2017–2018. Collection of articles on the results of the international scientific conference "Wars and Revolutions 1917–1920: Formation of Statehood of Finland, Estonia, Latvia and Lithuania" (St. Petersburg, October 23–25, 2017) / Russian Association of Baltic Studies; Historical Memory fund; collection of N. M. Mezhevich. Moscow: Association of publishers "Russian Book," 2018. P. 149–161. (In rus)
7. Calhoun C. Nationalism. M., 2010. (In rus)
8. Kirchanov M. V. Continuity and Discreteness in the Modern Historical Memory of the Baltic States // Journal of Russian and Eastern European Historical Studies [Zhurnal rossiiskikh i vostochnoevropeskikh istoricheskikh issledovani]. 2019. No. 1 (16). P. 180–218. (In rus)
9. Kreslinsh U. Movement of "active nationalism" in Latvia: 1922–1934 // Journal of Russian and Eastern European Historical Studies [Zhurnal rossiiskikh i vostochnoevropeskikh istoricheskikh issledovani]. 2019. No. 1 (16). P. 26–42. (In rus)

10. Krysin M. Yu., Litvinov M. Yu. State security bodies against bourgeois nationalists of the Baltics. M.: Veche, 2017. (In rus)
11. Kutykova I. V., Halliste O. V. Historical Memory of Modern Schoolchildren of Russia and Estonia: Sociological Analysis // SPbSU Journal. Series 12 [Vestnik SPbGU. Ser. 12]. 2015. No. 3. P. 168–176. (In rus)
12. Mann M. Fascists. M.: Fifth Rome, 2019. (In rus)
13. Nikiforov I. Estonia between I and III Republic (1988–1992): experience of inclusive reconstruction of historical narrative // Journal of Russian and Eastern European Studies [Zhurnal rossiiskikh i vostochnoevropeskikh issledovaniy]. 2017. No. 1 (8). P. 122–156. (In rus)
14. Panin E. N. Activity of Latvian national formations in the USSR during the Great Patriotic War (June 1941 — May 1945) : Doctoral dissertation abstract. M., 2009. (In rus)
15. Platoshkin N. N. Attitude in Germany to the Nuremberg Tribunal, or Brown Shadows of the Past // International Life. Special: Lessons from Nuremberg and new challenges and threats [Mezhdunarodnaya zhizn'. Spetsvypusk: Uroki Nyurnberga i novye vyzovy i ugrozy]. 2016. No. 13. P. 69–82. (In rus)
16. Pozdniakov E. A. Nation. Nationalism. National interests. M., 1994. (In rus)
17. Simindei V. V. The Politics of Lies and Carelessness // Historian [Istorik]. 2019. No. 3 (51). P. 65. (In rus)
18. Simindei V. V. Main historical and political problems in Russian-Baltic relations // International life [Mezhdunarodnaya zhizn']. 2020. No. 1. P. 131. (In rus)
19. Smirnov V. A. Lithuanian Diaspora in the United States as a channel of elite recruitment in post-Soviet Lithuania // Materials of the Tenth Russian Seminar "Sociological Problems of Institutions of Power in Conditions of Russian Transformation" / under ed. A. V. Duka. SPb., 2012. (In rus)
20. Snyder T. On Tyranny: Twenty Lessons from the Twentieth Century. M.: AST, 2018. (In rus)
21. Surzhik D. Twists of Historical Policy and Memory in the Baltics [Electronic Resource] // International Life [Mezhdunarodnaya zhizn']. 2016. No. 2. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1442> (In rus)
22. Tishkov B. A. Essays of theory and policy of ethnicity in Russia. M., 1997. (In rus)
23. Farukshin M. H. Ethnocracy: foreign discourse // Sociological research [Sotsiologicheskie issledovaniya]. 2015. No. 4. P. 44–50. (In rus)
24. Park A. Turning-points of post-communist transition: Lessons from the case of Estonia // Proceedings of the Estonian Academy of Sciences 44/3. Tallinn, 1995.

About the author:

Nikolay M. Mezhevich, Chief Researcher of Institute of Europe of RAS (Moscow, Russian Federation), Doctor of Science (Economics), Professor; mez13@mail.ru